

таніяхъ и мукахъ сохранивши благовѣстіе, народъ избранный утратилъ способность духомъ соблюсти это благовѣстіе и засорилъ его мусоромъ буквы и «вождедѣній мірскихъ». И пришелъ Возвѣщенный Израилю Царь и возшелъ на Крестъ за міръ, а Его предполагаемая столица обращена въ пыль, и въ храмъ не осталось камня на камнѣ. И только изъ остатковъ сѣмени возраждается новое міровое земное и небесное царство Того, Чье Имя пронесли черезъ тысячелѣтія Авраамъ, Моисей, Зоровавель, Исаія, Іеремія и «70» переводчиковъ.

Вся эта исторія паденій и грѣховъ переплетена красной нитью касаній (участія) Невѣдомой Силы, охраняющей одну Великую Мысль, единое сокровище народа.

Это былъ Промыселъ Вѣчнаго.

На этой исторіи маленькаго народца, который, по выраженію Мартенсена, былъ «совѣстью народовъ, свидѣтелемъ и хранителемъ истины», Онъ — Промыселъ Божественный положилъ яркія печати дѣланія Своего... Но эти слѣды Господа, идущаго рядомъ съ родомъ человѣческимъ, можно прослѣдить и далѣе въ судьбахъ міра.

Исторія міра—исторія прогресса. Такой принципъ установленъ самой наукой исторіи. Мысль, освѣщенная свѣтомъ откровенныхъ Писаній, легко открываетъ линію этого прогресса, его направленіе и путь. Охраняемая Господомъ дорога есть тотъ же путь охраны Царства Божія, идеи Господа-Искупителя, будущей послѣдней правды Его...

Мой другъ, прослѣдите исторію перваго Рима послѣ Августа и Тиберія, исторію Византіи—«второго Рима», исторію Руси—третьей хранительницы идеи о царствѣ Божіемъ; прослѣдите за судьбами мысли религіозной, мысли о мірѣ, Богѣ и цѣли бытія на западѣ, — и вы увидите мудрыя тропинки, ведущія къ одной цѣли—торжеству идеи Царства Божія, идеи христіанства, какъ религіи искупленія и единенія всѣхъ воедино.

Божественная сила Промысла особенно проявляла себя тамъ, гдѣ сильнѣе и крѣпче жила коренная идея міроспасенія (въ Израилѣ, восточномъ христіанствѣ); но, конечно, тѣнь Божественнаго Промысла падала и на весь міръ. Въ великихъ мукахъ и буряхъ, въ великихъ столкновеніяхъ Правды Божіей съ работой темныхъ силъ, часто владѣвшихъ и церковью (въ Римѣ вспомнимъ времена порнократіи, папъ въ родѣ Александра Борджія, Іоанна XXIII и т. д.), въ великой борьбѣ вѣрующей мысли съ боговраждебными теченіями и естественнаго знанія и философіи — *здесь* (на Западѣ) пробуждается и растетъ опять и въ наукѣ и въ философіи познаніе вѣры, стремленіе къ ней—новое ея пониманіе и сильная защита.

Но ярче и очевиднѣе Рука Вышняго на востокѣ, у наслѣдниковъ вселенскаго преданія: въ Римѣ, Византіи и Руси. И здѣсь міровая тѣма сдѣлала великія завоеванія, хотя не могли никогда оборвать красной нити вѣры въ великое возстаніе правды, въ непобѣдимостъ Воскресшаго.

Въ послѣднее истекшее столѣтіе особую силу получила «тѣма», но мы уже на границахъ «воскресенія». Великія потрясенія нашихъ дней есть великій призывъ къ перемѣнѣ разумнѣя жизни и вѣры,—призывъ къ возвращенію къ вѣчнымъ завѣтамъ правды, любви, единенія. И призывъ этотъ слышали подготовленные души.

Не видно ли въ этомъ Единой направляющей міръ Воли—вѣчнаго Промышленія?

«Вы фантазируете»,—скажешь ты мнѣ, мой другъ. «Все, что дѣлается, есть естественный путь прогресса...»

Нѣтъ. Я только иду по тропинкамъ яснаго откровенія. Вниманіе къ голосамъ исторіи, думаю я, громко вопіеть о ея (исторіи) Строителѣ, безъ насильственнаго давленія на волю народовъ и личности ведущемъ міръ къ цѣлямъ Своимъ.

А куда вы дѣнете зло міра — Мессину съ тысячами жертвъ, великія катастрофы, въ которыхъ не могъ быть повиненъ человѣкъ? Какъ онѣ согласуются съ Промысломъ Вышняго?..

Объ этомъ скажемъ немного попозже.

Епископъ Михаилъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Старообрядчество и семья.

«Домъ твой сдѣлай церковію: ты подлежишь отвѣтственности за спасеніе, и дѣтей, и домочадцевъ».

Св. Іоаннъ Златоустъ. Слово шестое на книгу Бытія.

«...долго-ли муки сея, протопопъ, будетъ? И я говорю: Марковна, до самыя смерти!—Она же, вздохня, отвѣщала: добро, Петровичъ, ино еще побредемъ». Священномученикъ протопопъ Аввакумъ. Житіе.

Старообрядчество не безотчетно склоняется въ сторону культуры, которую мы пытались характеризовать взглядами Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевскаго и самихъ старообрядцевъ. У послѣднихъ имѣются вполне опредѣленные взгляды на семейное начало, на школу, на просвѣщеніе, наконецъ, старообрядчеству присуще извѣстное міропониманіе, извѣстный взглядъ на человѣческую личность. Чтобы болѣе или менѣе приблизиться къ разрѣшенію вопроса объ отношеніи старообрядчества къ культурѣ, необходимо остановиться на разсмотрѣніи тѣхъ элементовъ культуры, которые носятъ въ себѣ старообрядчество.

Остановимся сначала на вопросѣ о семьѣ.

Въ наше время особенно рѣзко вырисовывается культурное значеніе семьи, быта, который и создается семьей; только въ наше время—время болѣзни семьи—дѣлается понятнымъ, какое единственное и незамѣнимое значеніе имѣетъ семья для воспитанія духовнаго облика человѣка. Семейный уютъ, бытъ,—вотъ атмосфера, въ которой развивается сѣмя, заложенное Творцомъ въ душѣ человѣка. Только здоровыя семьи, съ прочно установившимися традиціями, въ состояніи воспитать духовно-развитого человѣка, крѣпкаго въ своихъ убѣжденіяхъ, дисциплинированнаго въ своихъ желаніяхъ. Никто не замѣнитъ человѣку семьи: ни школа, ни университетъ, ни пансіонъ. Глубоко правильно замѣчаніе В. Розанова, что «вовсе не университеты вырастили *настоящаго* русскаго человѣка, а добрыя безграмотныя няни»¹⁾. Въ другомъ сочиненіи тотъ же авторъ болѣе подробно высказывается о культурномъ значеніи семьи:

«Лишь семья, лишь она одна можетъ воспитать въ дѣтяхъ существеннѣйшія стороны культуры, привить ея самыя одухотворенныя, эфирныя частицы. Мы говоримъ о всемъ неуловимомъ, правдивомъ, религіозномъ, поэтическомъ, чего бы оно не коснулось: знанія, церкви, самой школы, отечества, этой же семьи... Конечно, странно, какъ семья можетъ привить патриотизмъ или религіозность болѣе, чѣмъ школа? Она этого прямо и не сдѣлаетъ: она дастъ просторъ для этого, она дастъ теплую среду для зарожденія и воспитанія всего подобнаго, что по неуловимой природѣ своей и вообще зарождается въ человѣкѣ какъ-то невидимо, всегда почти случайно, всегда не предугадываемымъ способомъ. Школа, грубо стуча уроками и учебниками, не даетъ среды для этого; прогоняетъ шумомъ и суетли-

¹⁾ В. Розановъ. «Опавшіе листья». Стр. 450.

востью мысль о всемъ подобномъ; напротивъ, семья, самую безшумностью своею, мягкостью всѣхъ отношеній, непрерыванностью всѣхъ впечатлѣній, разрыхляетъ, приуготовляетъ почву, правда, не создавая сѣмени. Сѣмя въ безвѣстности приходитъ, какъ? откуда?—это Божія тайна, тайна воспитанія всѣхъ замѣчательныхъ людей, въ біографіяхъ которыхъ, иногда путемъ кропотливѣйшихъ изслѣдованій, мы все-таки не въ силахъ открыть, откуда взялась та или эта замѣчательная въ нихъ черта: откуда въ Черняевѣ героизмъ, въ Ломоносовѣ—порывъ бѣжать въ Москву за ученьемъ—этого никто не знаетъ»²⁾.

Въ интеллигентномъ русскомъ обществѣ наблюдается развалъ семьи, разложеніе ея нравственныхъ силъ, въ чемъ имѣли смѣлость сознаться лучшіе представители той же интеллигенціи. Въ извѣстномъ сборникѣ «Вѣхи», въ статьѣ Изгоева «Объ интеллигентной молодежи», находимъ слѣдующее печальное признаніе:

«У русской интеллигенціи семьи нѣтъ. Наши дѣти воспитательнаго вліянія семьи не знаютъ, въ крѣпкихъ семейныхъ традиціяхъ не почерпаютъ той огромной силы, которая выковываетъ, на примѣръ, идейныхъ вождей англійскаго народа. Переберите въ памяти наиболѣе извѣстныхъ нашихъ прогрессивныхъ, общественныхъ, литературныхъ и научныхъ дѣятелей, особенно разночинцевъ, и поставьте вопросъ, много ли среди нихъ найдется такихъ, которые бы создали крѣпкія прогрессивными традиціями семьи, гдѣ бы дѣти продолжали дѣло отцовъ своихъ. Мнѣ кажется, что на этотъ вопросъ возможенъ лишь одинъ отвѣтъ: такихъ семей, за рѣдчайшими развѣ исключеніями (которыхъ я припомнить не могу), нѣтъ. Я не принадлежу къ поклонникамъ ни славянофиловъ, ни русскаго дворянства, роль котораго кончена и которое обречено на быструю гибель, но нельзя же скрыть, что крѣпкія идейныя семьи (на примѣръ, Аксаковы, Хомяковы, Самарины) въ Россіи были пока только среди славянофильскаго дворянства³⁾. Тамъ, очевидно, были традиціи, было то единственное, что воспитываетъ, существовали положительныя цѣнности, тогда какъ въ прогрессивныхъ семьяхъ этого не было, и дѣти талантливѣйшихъ нашихъ прогрессивныхъ писателей, сатириковъ, публицистовъ начинали съ того, что отвергались отъ своихъ отцовъ⁴⁾.

Слабость семьи отзывается въ высшей степени пагубно на нашей общественной жизни; дѣти не понимаютъ отцовъ и наоборотъ; дѣло, начатое отцомъ,—сыномъ не продолжается, и не понимается; связь между родителями и дѣтьми порвана.

«Настоящей, истинной связи между родителями и дѣтьми не устанавливается и даже очень часто наблюдается болѣе или менѣе скрытная враждебность: душа ребенка развивается «отъ противнаго», отталкиваясь отъ души своихъ родителей. Русская интеллигенція бессильна создать свою семейную традицію, она не въ состояніи построить свою семью.

Жалобы на отсутствіе «идейной преемственности» сдѣлались у насъ общимъ мѣстомъ именно въ устахъ радикальныхъ публицистовъ. Шелгуновъ и публицисты «Дѣла» дулись на «семидесятниковъ», пренебрегавшихъ завѣтами «шестидесятниковъ». Н. К. Михайловскій немало горькихъ словъ насказалъ по адресу «восьмидесятниковъ» и послѣдующихъ поколѣній, «отказавшихся отъ наслѣдства отцовъ своихъ». Но и этимъ, отказавшимся отъ наслѣдства дѣтьми въ свою очередь пришлось негодовать на своихъ дѣ-

тей, не желающихъ признавать идейной преемственности»⁵⁾.

Статья г. Изгоева производитъ тягостное впечатлѣніе; написана она съ болью за нашу интеллигенцію, которая, мечтая о «высокихъ матеріяхъ», о томъ, чтобы перевернуть весь шаръ земной, въ то же время не можетъ сохранить даже физическаго здоровья своихъ дѣтей; въ статьѣ приводятся цифры, подтверждающія этотъ фактъ:

«Наша семья, и не только консервативная, но и передовая, семья рационалистовъ поражаетъ не однимъ своимъ бесплодіемъ, *неумѣніемъ дать націю культурныхъ вождей*. Есть за ней грѣхъ, куда болѣе крупный. Она неспособна сохранить даже просто физическія силы дѣтей, предохранить ихъ отъ ранняго растлѣнія, при которомъ нечего и думать о какомъ-либо прогрессѣ, радикальномъ переустройствѣ общества и прочихъ высокихъ матеріяхъ»⁶⁾.

Распадъ семьи происходитъ, по мысли проф. С. Н. Булгакова, благодаря оторванности нашей интеллигенціи отъ органическаго склада жизни, благодаря ея «безбытности»:

«Духовное состояніе интеллигенціи не можетъ не внушать серьезной тревоги. И наибольшую тревогу возбуждаетъ молодое подрастающее поколѣніе и особенно судьба интеллигентскихъ дѣтей. *Безбытная*, оторвавшаяся отъ органическаго склада жизни, не имѣющая собственныхъ твердыхъ устоевъ интеллигенція, съ своимъ атеизмомъ, прямолинейнымъ рационализмомъ и общей развинченностью и безпринципностью въ обыденной жизни, передаетъ эти качества и своимъ дѣтямъ, съ той только разницей, что эти послѣднія даже и въ дѣтствѣ остаются *мишени тѣхъ здоровыхъ соковъ, которые получали родители изъ народной среды*»⁷⁾.

Современная интеллигентская семья духовно (нерѣдко и физически) калѣчитъ дѣтей, лишаетъ ихъ того «чувства міра», которое на языкѣ философіи называется—космическимъ. При утерѣ послѣдняго человѣкъ изъ-за деревьевъ не видитъ лѣса, онъ съ головой уходитъ въ обыденную жизнь, заражается, при всей своей образованности, духовнымъ мѣщанствомъ; душа постепенно замираетъ, и уже самъ человѣкъ перестаетъ сознавать, что есть *иная жизнь*, что есть интересы и цѣнности, не переложимыя на денежные знаки. Такъ исчезаютъ тѣ цѣльныя личности, которыя собственно и являются двигателями, творцами культуры.

«... Люди,—пишетъ М. О. Гершензонъ,—со сколько-нибудь яснымъ космическимъ сознаніемъ составляютъ среди насъ исключеніе. Человѣкъ, безъ сомнѣнія, рождается съ задатками болѣе или менѣе сильнаго космическаго чувства, но можно съ увѣренностью сказать, что полная атрофія этого чувства, какъ общераспространенное явленіе, не врождена, а представляетъ собою *результатъ воспитанія и среды*... наша атмосфера такъ насыщена рационализмомъ, поведеніе и разговоры старшихъ, учебники и учителя такъ увѣренно-трезвы, что постепенно врожденные зародыши религіозности гложутъ, а затѣмъ является наука, въ чистомъ ли видѣ или въ легкомъ пересказѣ, и даетъ юношѣ иллюзію полного, существеннаго знанія. Вырастаетъ человѣкъ, всецѣло погруженный въ земное, и ходитъ онъ всю жизнь, какъ лошадь въ шорахъ, никогда не вспоминая о великой тайнѣ, и только въ минуты роковыхъ ударовъ на мигъ содрогнется въ немъ душа, чтобы тотчасъ опять замкнуться наглухо, да развѣ еще въ предсмертный часъ овладѣетъ имъ непостижимая тоска, болѣе жгучая, чѣмъ всѣ заботы міра»⁸⁾.

Несомнѣнно, что та или иная духовная атмосфера

2) В. Розановъ «Сумерки просвѣщенія». Стр. 208 и слѣд.

3) И какъ увидимъ—они сохранились и у старообрядцевъ.

4) «Вѣхи», I изд. 1909 г. Стр. 100.

5) Тамъ же, стр. 98.

6) Тамъ же, стр. 101.

7) С. Н. Булгаковъ. «Два трагедія», т. II, стр. 200.

8) М. О. Гершензонъ. «Историческія Записки». Стр. 132.

вліяють положительно или отрицательно на семейное начало. На примѣрѣ нашей интеллигенціи болѣе, чѣмъ ясно видны признаки разрушающаго вліянія на семью основъ современной культуры. Полный духовный разбродъ, отчужденіе родителей отъ дѣтей, отсутствіе въ жизни современныхъ интеллигентныхъ семей того, что формируетъ духовный обликъ человѣка,—вотъ результаты той культуры, которая считается большинствомъ нашего общества столь необходимой для всего русскаго народа.

Идеи, которыми питается старообрядчество, дѣйствуютъ на семью совершенно иначе:

«Судя по имѣющимся даннымъ, старообрядческая семья подвергается меньшему разложенію, по сравненію съ семьями крестьянъ другихъ вѣроисповѣданій; поэтому старообрядческая семья въ большинствѣ случаевъ есть большая семья. Въ среднемъ выводѣ, изъ числа 325 старообрядческихъ семей, о которыхъ были доставлены свѣдѣнія, семья старообрядцевъ состоитъ изъ 8,4 наличныхъ членовъ, если же считать и отсутствующихъ, то средняя величина семьи повышается до 8,8 членовъ»⁹⁾.

Таблица¹⁰⁾, составленная по даннымъ анкеты 1909 г., дополняетъ вышеприведенное положеніе:

Название района	Средній составъ семьи:	
	Старообрядческой	прочихъ вѣроисповѣданій.
Сѣверный районъ	10 лицъ	6,1 лицъ.
Приуральскій „	8,7 „	6,2 „
Приозерный „	8,0 „	6,3 „
Промышлен. „	8,6 „	5,7 „
Западный „	9,6 „	7,8 „
Волжскій „	8,3 „	5,5 „
Черноземный „	10,5 „	6,6 „
Юго-Западный „	5,8 „	5,8 „
Новороссійск. „	8,3 „	5,8 „
Сибирскій „	8,2 „	—

Какая же сила сплачиваетъ старообрядческую семью, даетъ ей возможность не подвергаться распаденію? Такой силой является *религіозная въра, проводимая въ жизнь*, добровольное подчиненіе и соблюденіе требованій религіи, ея установленій, обрядовъ, обычаевъ; всѣмъ этимъ пропитана жизнь старообрядческой семьи и этимъ послѣдняя спаивается въ нѣчто цѣльное, живое и носящее въ себѣ возможность духовнаго творчества, понимая послѣднее, какъ способность воспитывать *человѣка*.

«Здѣсь,—пишетъ г. Безобразовъ,— свято хранятся и передаются отческія преданія и здѣсь вырабатываются согласный съ ними обрядъ и дисциплина жизни. И во всякой вѣрѣ, и во всякомъ основанномъ на ней строѣ или укладѣ общественной жизни и въ особенности въ воспитаніи, создающемъ гармонию вѣры и жизни, женщина составляетъ самую могущественную творческую силу. И это понято въ нашемъ старообрядческомъ мірѣ, какъ понято всѣми

людьми, горячо и искренно преданными своей вѣрѣ, и своему дѣлу»¹¹⁾.

Женщина нисколько не унижена и не забита въ старообрядческой семьѣ; она занимаетъ подобающее ей мѣсто помощницы мужу и воспитательницы дѣтей. Она, своимъ женскимъ чувствомъ, создаетъ ту обстановку семейнаго уюта, того быта, который такъ опредѣляюще дѣйствуетъ на личность ребенка. Духовная личность женщины въ старообрядчествѣ стоитъ на одномъ уровнѣ съ личностью мужчины. Если послѣдній выходилъ на духовную борьбу съ отступниками вѣры православной—женщина вливалъ въ него всю свою страстность, свой безграничный героизмъ. Авторъ одной изъ монографій о протопопѣ Аввакумѣ, такъ опредѣляетъ значеніе женщины въ исторіи развитія старообрядчества:

«... Слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о женахъ расколуучителей. Необходимость упомянуть о нихъ, сказывается въ томъ, что онѣ имѣли большое значеніе въ дѣлѣ распространенія раскола. Онѣ неоднократно въ критическія минуты поддерживали своихъ мужей, какъ это мы видимъ въ біографіи Аввакума. Не будь ихъ, не будь ихъ поддержки, можетъ быть, не было бы такого героизма, богатырства расколуучителей, не было бы такой стойкости и твердости, какую они оказали при борьбѣ съ никоніанствомъ. Кромѣ того, что они оказывали своимъ мужьямъ сильную поддержку въ распространеніи своихъ идей, важная ихъ заслуга для раскола заключалась въ томъ, что онѣ и дѣтей *воспитывали въ духѣ ученія своихъ отцовъ*. Мы въ свое время видѣли, какъ третій сынъ Аввакума—Аѳанасій на Мезени, будучи еще мальчикомъ, не достигши совершеннолѣтія, ревностно защищалъ старые обряды и на угрозы воеводы, что онъ подвергнетъ его такимъ же наказаніямъ, какія несутъ его отецъ и мать, спокойно отвѣтилъ: «Силень Богъ—не боюсь я»¹²⁾.

Чувство элементарной справедливости требуетъ остановиться на свѣтлой памяти великой русской женщины—женѣ протопопа Аввакума—Настасьѣ Марковнѣ. Вотъ идеальная жена, вотъ идеальная мать! Русскія женщины счастливы, что въ исторіи есть для нихъ столь дивный и недостижимо-прекрасный образецъ для подражанія. Старообрядцы многимъ обязаны этой святой женщинѣ, которая воодушевляла въ тяжкія минуты своего страдальца-мужа на дальнѣйшіе подвиги во имя правды старой вѣры русскаго народа. Остановимся на одномъ, поистинѣ классическомъ эпизодѣ нашей родной исторіи.

На обратномъ пути изъ Даурь, протопопъ Аввакумъ съ грустью убѣждался, что новшества Никона получили широкое распространеніе и на отгнѣну ихъ путемъ царскаго указа не было надежды. «Ужели предстоятъ новая борьба и новыя страданія?» Его сильно мучила мысль объ участи жены и дѣтей: ему стало казаться, что онъ не имѣетъ права навлекать на семью новыя страданія, новыя мученія. Аввакумъ томился въ недоумѣніи. Онъ сидѣлъ грустный и въ мысляхъ рѣшалъ вопросъ о томъ, что дѣлать, снова ли проповѣдывать или смириться? Въ эту поистинѣ тяжелую минуту протопопа Аввакума, его поддержала незамѣнимая супруга Настасья Марковна. Видя грусть мужа, она подошла къ нему «съ опрятствомъ» и спросила: «Что печалитъ тебя?» Аввакумъ сталъ изливать предъ нею свое горе. «Жена! — сказалъ сквозь слезы протопопъ, — что мнѣ дѣлать?

¹¹⁾ «Семеновскій уѣздъ», ст. Безобразова въ «Русской Мысли», 1883 г. № 11, стр. 148.

¹²⁾ К. Четвериковъ: «Протопопъ Аввакумъ и его литературная дѣятельность». Напечатано въ «Учено-богословскихъ и церковно-проповѣдническихъ опытахъ студентовъ кievской духовной академіи LX курса (1907 г.)», Киевъ. 1908 г., стр. 622.

⁹⁾ «Сельско-хозяйственный и экономическій бытъ старообрядцевъ» (по даннымъ анкеты 1909 г.). Изд. совѣта всероссійскаго съѣзда старообрядцевъ. Стр. 197.

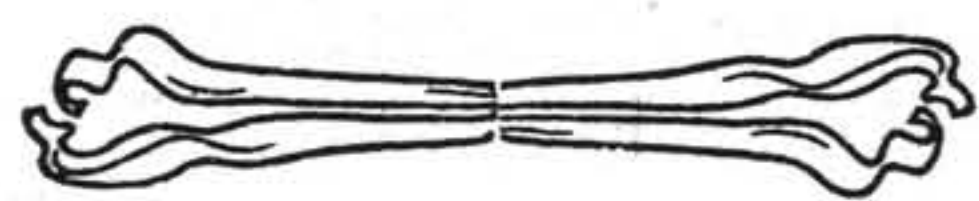
¹⁰⁾ Тамъ же, стр. 197.

Зима еретическая на дворѣ; говорить ли мнѣ или молчать? Связали вы меня». Тогда протопопца, уже побывавшая въ Сибири, въ Дауріи, испытывавшая сотни горестей, испытывавшая тяжелое материнское чувство при видѣ полузамерзшаго сына Ивана, ходившаго въ острогъ провѣдать отца, и даже державшая въ рукахъ двухъ дѣтей, которыя умирали въ судорогахъ голода, поспѣшно и рѣшительно отвѣчала: «Господи помилуй! Что ты, Петровичъ, говоришь! Азъ ты и съ дѣтьми благословляю: дерзай проповѣдати слово Божіе по-прежнему. А о насъ не тужи: дондеже Богъ изволить, живемъ вмѣстѣ, а егда разлучатъ, тогда насъ въ молитвахъ своихъ не забывай! Силенъ Христосъ и насъ не покинуть! Поди, поди въ церковь, Петровичъ, обличай блудную еретическую» (Матеріалы, V, стр. 57-я). Поклонился Аввакумъ своей женѣ и съ большимъ дерзновеніемъ сталъ обличать ересь никоніанскую».

«И дѣйствительно, есть за что поклониться этой замѣчательной женщинѣ XVII вѣка. Ея муки, ея страданія, мало чѣмъ уступающія протопоповымъ, должны вызывать удивленіе и уваженіе у нашихъ современниковъ. А между тѣмъ объ этой удивительной женщинѣ совсѣмъ забыли. Помнятъ какую-нибудь графиню Наталью Борисовну Долгорукову, подвигъ которой въ томъ только и состоялъ, что она сопровождала мужа въ ссылку въ Березовъ и жила тамъ съ нимъ. Не испытывала она такихъ лишеній, такихъ мученій, какія выпали на долю Марковны; не брела она, какъ Марковна, 20,000 верстъ пѣшкомъ, разбивая разутыя ноги о камни, часто падая и не въ состояніи подняться; между тѣмъ ею интересовались и поэты и художники, и историки, а о бѣдной протопопцѣ никто не помнитъ, нѣтъ даже и по сіе время приличной ея біографіи»¹³⁾.

И. Кирилловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Старообрядцы и нѣмцы въ Россіи.

(См. № 44 журн. «Слово Церкви»).

III.

Въ церковной области.

Мы не приводимъ миссіонерскихъ сужденій о старообрядческой іерархіи. Они неизмѣнно грубы и кощунственны. Существуетъ весьма обширная миссіонерская литература по старообрядчеству, наполненная одной лишь бранью и клеветой на старообрядческое священство. Намъ могутъ возразить, что миссіонеры — люди наемные, они не искренни въ своихъ вѣрованіяхъ. Сегодня они ругаютъ старообрядческую іерархію, издѣваются надъ ея служителями, получая за это большія деньги, а завтра они за то же вознагражденіе будутъ восхвалять эту іерархію, доказывать ея каноничность, лишь бы было на это приказаніе начальства, которому миссіонерство служить. «Миссіонеры — скажутъ въ ихъ оправданіе наши противники, — люди невѣжественные, необразованные, темные, грубые, готовые за деньги и Христа поносить и заушать. Стоитъ ли на этихъ господъ указывать и ссылаться». Имѣя въ виду это «оправданіе», мы воздержимся отъ цитатъ изъ миссіонерской литературы по вопросу о нашей іерархіи. Замѣтимъ, однако, что русскій синодъ до сихъ поръ не создалъ противолютеранскаго миссіонерства. Онъ не смѣетъ и, можетъ быть, даже не желаетъ вести борьбу съ нѣмецко-протестантской религіей,

пользующейся въ Россіи всеми правами признаннаго государственнаго исповѣданія. Противъ же беззащитнаго старообрядчества синодское вѣдомство направило огромную армию наемныхъ миссіонеровъ. Въ опубликованной на дняхъ запискѣ синодальнаго оберъ-прокурора, приложенной къ смѣтѣ синода на 1916 г., показано окружныхъ и уѣздныхъ миссіонеровъ 686 (превышло даже апокалипсическое число 666), получающихъ содержаніе изъ государственныхъ средствъ. Сколько же еще миссіонеровъ, состоящихъ на жалованьи епархій и миссіонерскихъ братствъ. Всѣ они, сытые и обеспеченные, занимаются только травлей коренныхъ русскихъ людей. Хотя бы на время войны Россіи съ Германіей направить ихъ противъ нѣмецкой религіи. Въ синодскомъ вѣдомствѣ какъ будто никто не хочетъ понять, что преступно въ тяжелую годину оплачивать изъ народныхъ средствъ армию, воюющую съ русскимъ народомъ, создавшимъ великую Россію. Мы ждали — не предприметъ ли синодъ какихъ-либо мѣръ противъ протестантизма. Но дождались опубликованія въ газетахъ сообщенія, что «синодомъ утверждена выработанная въ учебномъ комитетѣ новая программа по исторіи и обличенію раскола старообрядчества для духовныхъ семинарій». Программа эта введена въ дѣйствіе съ начала 1915—1916 учебнаго года. («Колоколъ», № 2662). Всѣ свои силы синодъ употребляетъ на борьбу съ русскими людьми: пущено въ ходъ какое-то новое оружіе противъ старообрядчества. Нѣмецкая же вѣра остается неприкосновенной. Даже во время войны съ нѣмцами синодъ не додумался направить на нѣмецкую вѣру миссіонеровъ или хотя бы новую программу составить по обличенію протестантизма. Вѣрные же служители синода ухитрились выпустить за это время такіе учебники по исторіи христіанской церкви, въ которыхъ нѣмецко-протестантское вѣроисповѣданіе рисуется въ привлекательномъ видѣ. Въ «Исторіи православной христіанской церкви» протоіерея Дм. Дмитревскаго (изд. 1915 г., Москва) говорится о протестантизмѣ: «Послѣдователи Лютера получили (послѣ Вестфальскаго мира) полную свободу вѣроисповѣданія и одинаковыя права съ католиками. Они образовали собою самостоятельную церковь, называемую лютеранскою, или протестантскою, и окончательно утвердились въ сѣверной Германіи, въ Швеціи, Норвегіи, Даніи, Финляндіи и Остзейскомъ краѣ» (стр. 165).

Относительно духовенства протестантовъ сообщается:

«Мѣсто іерархическихъ лицъ у лютеранъ заступили простыя должностныя лица — учителя и проповѣдники (пасторы), избираемые извѣстною общиною и утверждаемые свѣтскою властію» (тамъ же).

Даетъ свѣдѣнія о. Дмитревскій и объ англиканствѣ: «Англиканское вѣроисповѣданіе, — разъясняетъ онъ ученикамъ, — представляетъ собою смѣсь ученія лютеранскаго и реформаторскаго съ католическимъ. Такъ, вмѣстѣ съ лютеранствомъ оно единственнымъ источникомъ вѣры признаетъ св. Писаніе, учитъ объ оправданіи одною вѣрою безъ добрыхъ дѣлъ, принимаетъ только два таинства: крещеніе и причащеніе, придавая имъ лютеранскій смыслъ (остальныя таинства остаются благочестивыми обрядами), отвергаетъ ученіе о чистилищѣ, почитаніе и призываніе святыхъ, поклоненіе иконамъ, поминовеніе усопшихъ; вмѣстѣ съ реформаторствомъ допускаетъ безусловное предопредѣленіе; вмѣстѣ съ католичествомъ признаетъ церковную іерархію съ раздѣленіемъ на три степени во главѣ съ епископомъ, отчего носить еще названіе церкви епископальной, и удерживаетъ многіе изъ древнихъ формъ и обрядовъ: крестное знаменіе, колѣнопреклоненіе, священныя облаченія духовныхъ лицъ, праздники въ честь нѣкоторыхъ великихъ подвижниковъ и мучениковъ вѣры. Глава англиканской церкви — король. Онъ назначаетъ епископовъ, созываетъ ихъ на собранія и утверждаетъ ихъ постановленія» (стр. 168—169).

¹³⁾ Тамъ же, стр. 568 и слѣд.

Старообрядчество и семья.

(Окончаніе. См. № 45 журн. «Слово Церкви»).

Религіозный характер семьи в жизни, накладывая на послѣднюю особый отпечатокъ, дѣйствуетъ опредѣляющимъ образомъ на личность ребенка, который воспринимаетъ на первыхъ ступеняхъ своей жизни не столько умомъ, сколько силою религіозныхъ впечатлѣній.

Родители-старообрядцы, посѣщая храмъ Божій, берутъ съ собой и дѣтей. Хожденіе въ раннемъ дѣтствѣ за богослуженія оказываетъ на человѣка огромное вліяніе, весьма рѣдко сознаваемое даже тѣми, которые на себѣ испытали вліяніе религіозныхъ богослуженій. Церковная служба воспринимается ребенкомъ даже сильнѣе, чѣмъ взрослымъ, умъ котораго даже на молитвѣ не всегда можетъ отрѣшиться отъ «земной печали».

«Кого изъ насъ родители въ дѣтствѣ брали съ собой въ церковь къ утрнямъ или всенощнымъ, тѣ до старости съ любовью хранятъ воспоминанія о дѣтскихъ впечатлѣніяхъ, какія они испытывали въ праздники Рождества Христова, Крещенія, Вербнаго воскресенія, страстной седмицы, святой Пасхи и другіе. Но, что знаютъ и чѣмъ пользуются дѣти простыхъ людей, того лишаютъ своихъ дѣтей родители образованные. У послѣднихъ готово въ этомъ оправданіе въ видѣ мысли, занятой у протестантовъ: «Наши дѣти малы, они еще не понимаютъ богослуженія». Ихъ родители сами не испытали, потому и не знаютъ, что дѣти первоначально принимаютъ вліянія вѣры не въ познаніяхъ, а по дѣйствію благодати Божіей на души ихъ, силою религіозныхъ впечатлѣній»¹⁴).

Уставность, соблюденіе обрядовъ самими родителями, соблюденіе постовъ—вотъ то единственное, что укрѣпляетъ въ ребенкѣ на всю жизнь религіозную вѣру. Блужданіе же въ вопросахъ вѣры по компасу собственнаго разумія будетъ для дѣтской души тѣмъ сквознякомъ, который выдуваетъ все то, что даетъ человѣку въ жизни устойчивость, даетъ пониманіе жизни.

Одна изъ матерей русской интеллигенціи, серьезно заболѣвшая о воспитаніи своего сына, обратилась къ Ф. М. Достоевскому съ просьбой дать ей совѣтъ, какъ воспитывать ей восьмилѣтняго сына. Вотъ что отвѣтилъ Ф. М. Достоевскій:

«Вашъ ребенокъ восьми лѣтъ: знакомьте его съ Евангеліемъ, учите его вѣровать въ Бога *строго по закону*. Это—*sine qua non*, иначе не будетъ хорошаго человѣка, а выйдетъ въ самомъ лучшемъ случаѣ *страдалецъ*, а въ дурномъ—такъ и равнодушный *жирный* человѣкъ, да и еще того хуже» (Письмо Ф. М. Достоевскаго неизвѣстной матери, отъ 27-го марта 1878 г.)¹⁵).

Только путемъ воспитанія въ духѣ религіозной вѣры, *строго по закону*, и можно вырастить крѣпкихъ, устойчивыхъ нравственно, цѣльныхъ людей, въ которыхъ ощущается столь большой недостатокъ въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ, но къ глубокому сожалѣнію «всѣмъ извѣстно, какъ сначала шло, и какъ теперь еще идетъ начальное воспитаніе въ нашихъ высшихъ кругахъ. Иностранныя бонны, гувернантки и гувернеры доселѣ еще властвуютъ надъ малолѣтними дѣтьми нашего образованнаго общества... Не забудемъ при этомъ, что иностранные воспитатели, обучающіе русскихъ дѣтей своимъ языкамъ, не могутъ не вліять на ихъ религіозныя воззрѣнія при той разности, которая

существуетъ между ихъ исповѣданіями и православною вѣрою, и при ежеминутномъ общеніи съ дѣтьми. Ихъ религіозныя мысли высказываются ими невольно, ихъ поведеніе и примѣры у дѣтей передъ глазами. Сравнительная легкость внѣшнихъ религіозныхъ обязанностей, какія возлагаются на иновѣрцевъ, особенно протестантовъ, ихъ исповѣданія, предъ трудами, требуемыми уставами о богослуженіи нашей церкви, соблазняютъ дѣтей, и впоследствии производятъ въ нихъ охлажденіе въ церкви и недовольство ея учрежденіями»¹⁶).

Старообрядцы преслѣдовались за свою бороду, кафтанъ, длинные волосы, наконецъ, за *крестъ*, на томъ основаніи, что все это *соблазняетъ* «православныхъ», вредитъ ихъ нравственности и религіозному чувству, а подобное массовое развращеніе дѣтей высшаго класса, которые въ жизни займутъ руководящія мѣста, ничѣмъ не преслѣдовалось и считается «культурнымъ воспитаніемъ». Въ результатѣ подобнаго воспитанія все наше интеллигентное общество, «въ цѣломъ своемъ составѣ можетъ быть названо обширною сектою, относившеюся неблагожелательно къ своей родной церкви, ея ученію и учрежденіямъ»¹⁷).

Вотъ гдѣ былъ поистинѣ страшный расколъ,—*расколъ жизни* русскаго народа и интеллигентнаго общества; вотъ гдѣ были нужны тѣ мѣры, которыя такъ щедро расточались по отношенію къ старообрядчеству. Чья паства наше интеллигентное общество, превратившееся въ секту «въ цѣломъ своемъ составѣ»? Гдѣ ея пастыри? Гдѣ ея Аввакумы? Увы, ихъ нѣтъ, а были и есть одни лишь Питиримы!

Старообрядцы хорошо понимаютъ огромное значеніе первоначальнаго вліянія семьи на душу ребенка и свято блюдутъ уставы Церкви въ своемъ быту. Послѣдній имѣетъ рѣшающее значеніе въ дѣлѣ воспитанія личности человѣка, и ревнивое соблюденіе чистоты быта есть наибольшая заслуга старообрядчества предъ *русской семьей*¹⁸). Совѣтъ всероссійскихъ съѣздовъ старообрядцевъ произвелъ въ 1909 году анкету по вопросамъ народнаго образованія среди старообрядцевъ, при чемъ было получено не мало весьма характерныхъ для старообрядцевъ пожеланій. Такъ, высказывается, между прочимъ, мысль, что «желательно имѣть для дѣтей старообрядцевъ *дошкольнаго* возраста что-либо въ родѣ дѣтскаго сада, гдѣ дѣти могли бы знакомиться съ *правилами благочестія*» (Московск. губ.)¹⁹).

Въ другомъ письмѣ высказывается болѣе подробно то же, что Ф. М. Достоевскій опредѣлилъ словами «строго по закону»:

«Слѣдуетъ вмѣнить въ обязанность членамъ общины, родителямъ, обучать дѣтей въ *дошкольномъ возрастѣ* изученію славянской грамоты, прохожденію часовника, псалтыря, каноновъ, книги Златоуста, и другихъ, истово изображать на себѣ крестное знаменіе, чтобы основать на фундаментѣ ученія христіанскаго» (Московск. губ.).

Старообрядчество понимаетъ, какую страшную опасность несетъ съ собой для нравственной цѣлости личности современный укладъ жизни и ума, чѣмъ грозитъ старообрядчеству современная школа, съ ея обезличивающимъ вліяніемъ. Вотъ что мы находимъ по вопросу о значеніи семьи, какъ началъ, сохраняющемъ человѣческую личность отъ умственнаго уродства, въ трудахъ перваго старообрядческаго съѣзда по народному образованію:

«... Какowymi выходили и выходятъ теперь изъ школъ дѣти старообрядцевъ? Съ какими взглядами на жизнь воз-

¹⁴) Архиепископъ Амвросій: «О причинахъ отчужденія отъ церкви нашего образованнаго о-ва»; Петроградъ, 1891 г.; стр. 26 и слѣд.

¹⁵) «Ф. М. Достоевскій въ воспоминаніяхъ современниковъ», стр. 291.

¹⁶) Амвросій, арх. харьковскій: «О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ»; стр. 6 и слѣд.

¹⁷) Тамъ же, стр. 11.

¹⁸) См. главу «Национализмъ старообрядчества».

¹⁹) «Вопросы народнаго образованія среди старообрядцевъ». М. 1909 г., стр. 74.

вращаются въ семью эти потомки блюстителей древяго благочестія, потомки страдалцевъ за вѣру—Павла, епископа коломенскаго, протопопа Аввакума, Морозовой и др.

«Я, кажется, немного ошибусь, если скажу, что въ лучшемъ случаѣ, они перестаютъ быть старообрядцами. Да не подумаетъ никто, что дѣти старообрядцевъ, выходя изъ казенныхъ учебныхъ заведеній, дѣлаются ревностными членами господствующей церкви. О, далеко нѣтъ! Я уже сказалъ, что въ лучшемъ случаѣ они перестаютъ быть старообрядцами, а въ худшемъ—изъ современной школы, съ господствующей «западно-европейской цивилизаціей», дѣти старообрядцевъ выходятъ атеистами, врагами религіи, хулителями древне-православнаго благочестія. Спѣшу оговориться: *въ семьяхъ, гдѣ твердо соблюдаются установленія старовѣрія* и родители строго слѣдятъ за воспитаніемъ дѣтей сами—нерѣдко можно видѣть молодежь даже съ высшимъ образованіемъ, сумѣвшую соблюсти завѣты предковъ»²⁰).

Къ глубокому прискорбію, среди русскаго общества, съ легкой руки разныхъ энциклопедическихъ словарей, пользуется распространеніемъ мнѣніе, что безпоповскія старообрядческія согласія въ своемъ ученіи отрицаютъ таинство брака, какъ едосѣвцы, а другіе — поморцы признаютъ гражданскій бракъ. Вопросу о семейной жизни въ безпоповско й части старообрядчества посвятилъ обширную работу проф. И. Нильскій: «*Семейная жизнь въ русскомъ расколѣ*» (2 выпуска, Петроградъ, 1869 г.). На основаніи весьма обширной литературы безпоповцевъ, по вопросу о бракѣ, И. Нильскій пришелъ къ слѣдующимъ взглядамъ:

«... Раскольники безпоповцы поставили для себя правиломъ вести дѣвственную жизнь не съ дурными цѣлями, а единственно по невозможности вступать въ браки законнымъ образомъ съ благословенія православныхъ священниковъ, которыхъ не имѣли, доказательствомъ этого служатъ всѣ тѣ сочиненія, которыя написаны безпоповцами въ оправданіе своего безбрачія»²¹).

Проповѣдники безбрачія вели строго нравственную жизнь и свято вѣрили въ проповѣдуемое ученіе, основное зерно котораго есть именно признаніе брака *таинствомъ*, дѣломъ Божиимъ, а не только человѣческимъ.

«А что учителя поморскаго толка, проповѣдуя безбрачіе, поступали такъ не изъ желанія льстить вкусу массы, будто бы предпочитавшей развратъ законному сожитію, а по искреннему убѣжденію въ невозможности вступать въ бракъ, вслѣдствіе неимѣнія православнаго священства,—въ этомъ всего лучше убѣждаетъ насъ самая жизнь Выговскихъ поморцевъ»²²).

Насколько святы и важны для старообрядчества вопросы о таинствѣ брака, о семьѣ, показываетъ обширная литература, создавшаяся въ безпоповской части старообрядчества и именно вопросъ о бракѣ подѣлили старообрядцевъ-безпоповцевъ на двѣ части—брачниковъ (допускающихъ заключеніе брака по благословенію родителей и духовныхъ наставниковъ-отцовъ) и безбрачниковъ—отрицающихъ возможность въ настоящее время совершенія таинства брака, за отсутствіемъ истиннаго священства. Брачники, въ лицѣ своего писателя И. Алексѣева, такъ объясняютъ допущеніе брака по благословенію родителей и наставниковъ:

«*Тайна* брака не такъ отъ церковнаго дѣйства силу имать, какъ отъ Божіяго онаго содѣлательства и Божіихъ оныхъ словесъ... Посему Церковь неразвѣстнаго всѣ браки

имяще... И отъ всякаго языка аще отъ елливъ, не знающихъ Бога, аще отъ жидовъ и аще отъ еретиковъ приходящія со своими ихъ браки приѣмлетъ въ томъ же дѣйствѣ, точию бы въ нихъ было законно по коегождо обычаю совокупленіе. Прочія же тайны, кромѣ сея единыя, святая Церковь не приѣмлетъ»²³).

Приводя подобныя мнѣнія безпоповцевъ о таинствѣ брака, проф. И. Нильскій пришелъ въ своей книгѣ къ неожиданному и странному выводу, что будто бы И. Алексѣевъ проповѣдывалъ бракъ, какъ «гражданскій союзъ» и смотрѣлъ на него «съ естественной, а не съ христіанской точки зрѣнія».

«Едосѣвцы, — пишетъ И. Нильскій, — въ пониманіи брака стояли на строго церковной почвѣ и признавали бракъ таинствомъ, которое можетъ совершить только пастырь Церкви; между тѣмъ, какъ поморцы, довольствуясь для заключенія своихъ браковъ благословеніемъ наставника-мірянина, хотя бы и съ прочтеніемъ канона, апостола и Евангелія, съ пѣніемъ молебна, очевидно, не придавали браку значенія таинства, а смотрѣли на него просто, какъ на гражданскій союзъ»²⁴).

Если, по утверженію И. Нильскаго, поморцы смотрятъ на бракъ, не какъ на таинство, а какъ на «гражданскій союзъ», зачѣмъ тогда чтеніе канона, апостола, Евангелія? Приведа выдержки изъ книги И. Алексѣева «О тайнѣ брака», И. Нильскій говоритъ:

«Очевидно, что онъ (И. Алексѣевъ) смотритъ на бракъ съ естественной, а не съ христіанской точки зрѣнія, и разумѣетъ собственно бракъ, такъ-называемый, гражданскій. Какъ ни страннымъ можетъ показаться читателю, что Алексѣевъ—раскольникъ, котораго мы привыкли считать жаркимъ ревнителемъ старины и буквы, еще въ первой половинѣ прошлаго столѣтія заговорилъ о бракѣ подобно современному намъ ревнителямъ женской эмансипаціи, однако *смѣемъ увѣрить, что мы изложили ученіе его совершенно вѣрно*»²⁵).

Насколько «вѣрно» передалъ И. Нильскій взгляды И. Алексѣева на таинство брака, весьма интересно опредѣляетъ извѣстный писатель по церковнымъ вопросамъ Т. И. Филиповъ:

«Вы говорите, что Иванъ Алексѣевъ считалъ бракъ не таинствомъ, а естественнымъ или гражданскимъ союзомъ; но во всей вашей книгѣ, исполненной многоразличныхъ выписокъ и ссылокъ, я не нашелъ ни одного подлиннаго слова Ивана Алексѣева о томъ, чтобы онъ самъ предлагаемый имъ бракъ не считалъ за таинство, и чтобы въ замѣну бывшаго въ Христовой Церкви таинственнаго союза мужа и жены, во образъ союза Христа съ Церковію, онъ предлагалъ новый, имъ самимъ вымышленный, бракъ естественнаго или гражданскаго характера. И я беру на себя смѣлость утверждать, что такого отзыва о бракѣ, сдѣланнаго отъ лица самого Ивана Алексѣева, вы не отыщете во всемъ обширномъ его сочиненіи, и что ваши слова представляютъ, такимъ образомъ, не имъ самимъ формулированное ученіе о брачномъ союзѣ, а вами за него сдѣланный выводъ изъ его соображеній, за правильность коего отвѣтственность лежитъ исключительно на васъ»²⁶).

Ниже Т. И. Филиповъ пишетъ:

«... Можно опровергать... понятіе Ивана Алексѣева о сущности и условіяхъ правильнаго брака, но изъ-за этого

²⁰) «Труды перваго всероссійскаго съѣзда по народному образованію христіанъ-старообрядцевъ-поморцевъ, бывшаго въ Двинскѣ (Витебской губ.) 3—5 іюня 1911 г.». Саратовъ, 1913 г., стр. 70.

²¹) Проф. И. Нильскій: «Семейная жизнь въ русскомъ расколѣ». Вып. I, стр. 20.

²²) Тамъ же, стр. 24.

²³) И. Алексѣевъ: «О тайнѣ брака». Цитировано по книгѣ И. Нильскаго «Семейная жизнь въ русскомъ расколѣ». Вып. I, стр. 249.

²⁴) И. Нильскій. Тамъ же, стр. 259.

²⁵) И. Нильскій. Тамъ же, стр. 122.

²⁶) Т. И. Филиповъ: «Современные церковные вопросы». Часть II, стр. 248 (письмо И. Ф. Нильскому).

приписывать ему возрѣніе на бракъ, какъ на союзъ естественный или гражданскій, чуждый благодатнаго таинственнаго освященія, значить внести въ заключеніе то, чего не дано въ письмахъ»²⁷⁾.

Странно, какъ И. Нильскій, профессоръ духовной академіи, изучившій литературу старообрядцевъ, не могъ понять того, что измышленное имъ самимъ понятіе о бракѣ, какъ «гражданскомъ союзѣ» и навязанное И. Алексѣеву, въ корнѣ противорѣчитъ основамъ старообрядческаго міровозрѣнія? Тотъ же Т. И. Филипповъ, не бывший профессоромъ духовной академіи, отлично понималъ всю противоестественность утвержденія И. Нильскаго:

«Что Иванъ Алексѣевъ самъ почиталъ предлагаемый имъ бракъ за таинство, тому свидѣтель вся его книга, начиная съ заглавія: «*О тайнѣ брака*»... Зачѣмъ бы Ивану Алексѣеву, еслибъ онъ вздумалъ предлагать бракъ гражданскій, искать подтвержденія своей мысли въ Большомъ Катехизисѣ, или въ Кормчей, гдѣ ни о какомъ другомъ бракѣ, кромѣ признаваемаго Церковію, слѣдовательно таинственнаго и благодатнаго, не можетъ быть и рѣчи? Зачѣмъ ссылаться на Діонисія Ареопагита и на свидѣтельства ветхозавѣтной и новозавѣтной исторіи? Да и кому бы онъ сталъ предлагать гражданскій бракъ? Обществу, которое *всѣ условія своей жизни опредѣляло началомъ религіознымъ или церковнымъ*, и которое одной минуты не потратило бы на разговоръ о бракѣ гражданскомъ, ни на что ему ненужномъ?»²⁸⁾.

При знакомствѣ съ литературой старообрядцевъ-безповцевъ по вопросу о бракѣ бросается въ глаза глубокая искренность и уваженіе къ этому великому таинству. Благодаря спорному положенію и сознанію всей важности, вопросъ о бракѣ въ старообрядцествѣ разработанъ несравненно полнѣе, нежели въ господствующей іерархіи, гдѣ до сихъ поръ не установлено, собственно, твердаго взгляда, на таинство брака; на примѣръ, въ вопросѣ о смѣшанныхъ бракахъ²⁹⁾.

Государство слагается изъ отдѣльныхъ ячеекъ-семей, и чѣмъ больше устойчивости, цѣльности въ послѣднихъ, тѣмъ крѣпче, сильнѣе и само государство; болѣзнь семьи—болѣзнь государства. По всему нашему отечеству раздается странный кличъ—*нѣтъ людей!* Да—все меньше и меньше становится людей, которымъ не страшно довѣрить любое общее дѣло; все рѣже и рѣже появляются они. И въ этомъ повинна, несомнѣнно, современная интеллигентная семья и и ея духовные пастыри. Только изъ ея нѣдръ можетъ выйти необходимое количество крѣпкихъ цѣльныхъ людей, вооруженныхъ знаніями и духовно-развитыхъ. Пора перестать надѣяться на «самоучекъ», «выскочекъ»—они появлялись и появляются къ нашему счастью еще нерѣдко, но все же ихъ не хватаетъ на необъятную ширь нашей родины.

Распространеніе и укрѣпленіе началъ, заложенныхъ въ старообрядцествѣ, оздоровить русскую семью, и тѣмъ самымъ, явится залогомъ духовнаго и матеріальнаго развитія русскаго народа въ будущемъ.

И. Кирилловъ.

Изъ доклада Освященному Собору священника А. И. Калягина.

(Окончаніе. См. № 46 журн. «Слово Церкви»).

VIII.

Въ десятомъ вопросѣ доклада указывается порядокъ цѣлованія святаго Евангелія и святыхъ иконъ, говорится: «На праздникъ Свѣтлаго Хрстева Воскресенія, когда подходятъ къ святому Евангелію и святымъ иконамъ, то кладутъ два поклона въ землю, потомъ цѣлуютъ Евангеліе, и опять поклонъ въ землю и т. д.».

Описывая такой порядокъ, докладчикъ не объясняетъ, въ какое время богослуженія такое «цѣлованіе» бываетъ. Если онъ говоритъ о «христосованіи» настоятеля (священника) съ прихожанами послѣ пасхальныхъ стихиръ, то объ этомъ есть положительный уставъ, въ которомъ никакихъ поклоновъ ни предъ Евангеліемъ, ни предъ иконами не указывается, а говорится лишь только о цѣлованіи. «Бываетъ цѣлованіе (говорится въ Уставѣ), игумену съ прочими священники и діаконъ во святомъ олтари... глаголетъ приходяи: Христосъ воскресе; оному же отвѣщавшу: воистину воскресе. (Посемъ) возьмъ игумень честныи крестъ, и станетъ внѣ предъ святыми царскими дверьми (на солеѣ). Также и вси священницы, елико ихъ есть, и діаконъ, взяше кійждо ихъ святое Евангеліе и честныи иконы, по чину своему... и приходять старцы единъ по единому, и мало преклоняются предъ настоятелемъ, и знаменуетъ коегождо ихъ честнымъ крестомъ. И цѣлуетъ святое Евангеліе, иже держитъ іерей, и прочая образы. Также и самого игумена во уста цѣлуютъ, глаголюще: Христосъ воскресе. Оному же игумену, отвѣщающу: воистину воскресе. По тому же образу и священниковъ цѣлуютъ; и сами межъ собою... Также по нихъ и міряне тако же цѣлованія творять» (Уставъ Большой, Пасхальная служба, лис. 32, 33, второго счета).

Примѣнительно къ указанному Уставу въ одной изъ обителей мнѣ приходилось наблюдать на практикѣ такой порядокъ. По окончаніи хвалитныхъ стихиръ и пасхальныхъ, игумень, стоя предъ святымъ престоломъ, ограждаетъ себя Крестомъ, цѣлуетъ его; а затѣмъ подходятъ къ нему священникъ, со святымъ Евангеліемъ, діаконъ, съ образомъ Воскресенія Христова, и третій кто-либо изъ священно- или церковнослужителей, съ образомъ храма, и подходящій цѣлуетъ у игумена Крестъ, а игумень цѣлуетъ св. Евангеліе, и затѣмъ цѣлуютъ другъ друга съ обычнымъ пасхальнымъ привѣтствіемъ. Такъ же подходятъ къ игумену и тѣ, что со святыми иконами. Послѣ обоюднаго цѣлованія священнослужители выходятъ въ Царскія двери (а если кто изъ простыхъ старцевъ, то идутъ чрезъ южную дверь), становясь, отъ правыя руки игумена, въ рядъ. Братія же идутъ прежде къ игумену, знаменуя себя крестнымъ знаменіемъ, цѣлуютъ св. Крестъ, которымъ игумень ихъ ограждаетъ, и другъ друга. И такъ, идя по ряду ко святому Евангелію и святымъ иконамъ, знаменуясь, цѣлуютъ ихъ и держащихъ ихъ. И такъ по ряду всю братію... Въ приходскихъ же храмахъ—священникъ выходитъ на обычное мѣсто (гдѣ послѣ литургіи ограждаетъ Крестомъ), и если есть діаконъ, то становится со святымъ Евангеліемъ отъ правыя руки священника,—и прихожане подходятъ ко Кресту и къ Евангелію, знаменуясь и цѣлуя ихъ, цѣлуютъ и священнослужителей, по тому же порядку, какой указанъ выше; причемъ никакихъ поклоновъ—ни земныхъ, ни поясныхъ—не кладутъ. И таковой обычай, какъ имѣющій основаніе въ Уставѣ, надлежало бы признать единственно правильнымъ.

27) Тамъ же, стр. 245.

28) Тамъ же, стр. 246.

29) См. по этому вопросу: *О. Мельниковъ*: «Блуждающее богословіе», глава XIV, «о бракѣ», стр. 218.